УДК 314.12:616-036.21
DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923
Научная статья

http://regionsar.ru
ISSN 2587-8549 (Print)
ISSN 2413-1407 (Online)

Рождаемость и репродуктивные установки населения до и после ухудшения эпидемиологической ситуации

М. А. Зырянова
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»
(*г. Сыктывкар, Российская Федерация*)
zyryanova.1809@mail.ru

Аннотация

Введение. Сохранение и рост численности народонаселения является ключевой задачей Концепции демографической политики России до 2025 г. Однако в последние годы достижение этой задачи затруднено в связи с обострением социально-экономических и демографических проблем. Цель статьи – определить и сопоставить показатели рождаемости и репродуктивных установок населения в разные периоды после начала 2000-х гг., отличающиеся по социально-экономическому контексту и перечню мер демографической политики, в том числе в условиях новейших обстоятельств – ухудшения эпидемиологической ситуации.

Материалы и методы. Исследование базируется на статистическом анализе временных рядов показателей для условных поколений, отражающих демографическую ситуацию в области рождаемости в России и Республике Коми. Также в методологическую основу исследования положены результаты трех социологических исследований, проведенных коллективом сотрудников Института социально-экономических и энергетических проблем Севера в 2008, 2013 и 2020 гг. среди населения Республики Коми.

Результаты исследования. Выявлено, что наиболее успешным в плане демографического развития в России был период 2013–2016 гг., а в Республике Коми – 2011–2016 гг., когда удалось достичь естественного прироста населения. Далее происходило сокращение показателей рождаемости. Установлено, что ситуация в области воспроизводства населения усугубилась в условиях пандемии COVID-19 в России и Республике Коми. Показано, что, по результатам социологических исследований, наилучшим образом у всех поколений репродуктивные установки выглядели в 2013 г.

© Зырянова М. А., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

В ходе исследования определено, что в 2020 г. ожидаемое число детей снизилось у всех возрастных когорт, а самые низкие репродуктивные планы наблюдались у двух самых молодых возрастных когорт 1996–2000 и 2001–2005 годов рождения.
Обсуждение и заключение. На примере северного региона России подтвердился тезис о том, что рост уровня жизни сопровождается увеличением репродуктивных установок населения и рождаемости и наоборот. Практическая значимость заключается в описании процессов рождаемости и динамики репродуктивных установок населения с учетом меняющихся социально-экономических и эпидемиологических условий. Полученная информация может быть полезна в качестве оценки дальнейших перспектив рождаемости и установления высокой роли социально-экономического благополучия населения при решении вопроса повышения уровня детности семьи.

Ключевые слова: рождаемость, коронавирус, демографическая политика, смертность, естественный прирост (убыль), реальное поколение, репродуктивные установки, уровень жизни

Финансирование. Работа выполнена по теме НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9, 2022–2024 гг.).

Для цитирования: Зырянова М. А. Рождаемость и репродуктивные установки населения до и после ухудшения эпидемиологической ситуации // Регионология. 2022. Т. 30, № 4. С. 903–923. doi: https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923

Original article

Fertility and Reproductive Attitudes of the Population Before and After the Epidemiological Situation Worse

M. A. Zyryanova
The Institute for Social Economic and Energy problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" (Syktyvkar, Russian Federation)
zyryanova.1809@mail.ru

Abstract

Introduction. The preservation and growth of the population is a key task of the Russian Federation Demographic Policy Concept until 2025. Nevertheless, in recent years, the achievement of this task has been difficult due to escalation of socio-economic and demographic problems. The purpose of the article is to determine and compare birth rates and reproductive attitudes of the population in various periods after the beginning of the 2000s, which differ in the socio-economic context and the list of demographic policy measures, including under the latest circumstances – the worsening epidemiological situation.
Materials and Methods. The study is based on a statistical analysis of time series data indicators for conditional generations that reflect the demographic situation of fertility in Russia and the Komi Republic – crude and total fertility rates, natural population growth (decline), the number of women in reproductive age (15–49 years) in total structure of the female population, the number of women aged 15–24 in the structure of the female population of reproductive ages. Also, the methodological basis of the presented work is

based on the results of three sociological studies, conducted by a team of scientists of The Institute for Social Economic and Energy problems of the North of the North Federal Research Center Komi Science Centre UB RAS in 2008, 2013 and 2020 among the population of the Komi Republic.
Results. It is revealed that the most successful period of demographic development in Russia was 2013–2016 and in the Komi Republic in 2011–2016, which consists in achieving natural population growth. Further, there was a decrease in the birth rate. It is determined that the situation in the field of population reproduction has worsened in the context of the COVID-19 pandemic in Russia and the Komi Republic. The study reveals that reproductive attitudes in all generations are the best in 2013. The significant success in this period is the growth of reproductive attitudes even among young cohorts. Further in 2020, the expected number of children decreased in all age cohorts. In 2020, the pattern remains – the lowest reproductive orientations are in the two youngest age cohorts of 1996–2000 and 2001–2005 birth.
Discussion and Conclusion. The main result of the work was the confirmation on the example of the northern region of Russia the thesis that the growth of the standard of living is accompanied by an increase in the reproductive attitudes of the population and the birth rate, and vice versa. From a theoretical point of view, the usefulness of the article lies in the description of the processes of fertility and the dynamics of the reproductive attitudes of the population, taking into account the changing socio-economic and epidemiological conditions. From a practical point of view, the information obtained can be useful as an assessment of future fertility prospects and confirmation of the high role of the socio-economic well-being of the population in addressing the issue of increasing the level of children in the families.

Keywords: fertility, coronavirus, demographic policy, mortality, natural increase (decline), real generation, reproductive attitudes, standard of living

Funding. The work was carried out on the subject of research work “Human resources of the northern regions of Russia: development potential or limitation of economic growth” (registration number 122012700169-9, 2022–2024).

For citation: Zyryanova M.A. Fertility and Reproductive Attitudes of the Population Before and After the Epidemiological Situation Worse. *Regionology*. *Russian Journal of Regional Studies*. 2022;30(4):903–923. doi: https://doi.org/10.15507/2413-1407.121.030.202204.903-923

Введение. Решение о деторождении в условиях высокой степени рационализации современной модели репродуктивного поведения во многом зависит от восприятия настоящих и будущих социально-экономических обстоятельств. Учеными доказано, что контекстные макроэкономические условия влияют на формирование этого восприятия [1; 2; 3]. Поэтому в настоящей статье будет рассмотрена динамика показателей рождаемости и уровень репродуктивных установок населения с учетом меняющихся экономических условий и перечня мер семейной и демографической политики. Важным моментом исследования является способность оценить репродуктивные планы населения уже после распространения пандемии коронавируса в 2020 г., т. е. в условиях беспрецедентной для современной истории эпидемиологической обстановки.

После кризиса 2008 г. экономическая ситуация в России начала реабилитироваться к 2012–2013 гг. В 2014–2015 гг. в стране наступил валютный и санкционный кризис. Поэтому любопытно было проанализировать некоторые статистические и экономические показатели 2020 г. в сравнении с более благоприятным 2013 г., чтобы увидеть, с какой динамикой показателей уровня жизни Россия вошла в пандемию. Для сопоставления статистических данных было произведено их инфлирование с помощью индекса изменения потребительских цен на товары и услуги с целью приравнивания их к ценам 2020 г.

В сравнении с докризисным 2013 г. к 2020 г. уровень потребительских расходов в России сократился на 14,2 %, оборот розничной торговли – на 8,5, среднедушевые денежные доходы – на 7,9, коэффициент покупательной способности доходов – на 8,8 %. В Республике Коми при сопоставлении 2013 и 2020 гг. выходит еще более пессимистичная ситуация: потребительские расходы снизились на 29,2 %, оборот розничной торговли на душу населения – на 22,6, среднедушевые денежные доходы населения – на 17,8, коэффициент покупательной способности доходов – на 16,6 %.

В условиях распространения эпидемии коронавируса негативные тенденции в экономике продолжились. В 2020 г. по сравнению с 2019 г. потребительские расходы в месяц на душу населения сократились в России на 8,7 %, в Республике Коми – на 8,0 %; розничный товарооборот на душу населения, который отражает покупательную способность, сократился в России на 3,8 %, в Республике Коми – на 4,1 %; среднедушевые денежные доходы населения снизились у россиян на 2,7 %, у жителей Республики Коми – на 3,0 %[1].

Уровень безработицы в России в 2020 г. по сравнению с 2019 г. возрос на 1,2 п. п., в Республике Коми – на 1,0 п. п.[2]. Изменения ситуации на рынке труда сказываются на показателях рождаемости. М. Пейдж, Ж. Шэллер и Д. Симон обнаружили, что «увеличение уровня безработицы в годовом исчислении на 1,0 % связано со снижением уровня рождаемости на 0,9–2,2 %» [4]. Рост безработицы «увеличивает экономическую неопределенность, влияя на динамику развития домохозяйств и формирование семьи» [5]. По результатам трех проведенных в мае, октябре и декабре 2020 г. социологических исследований российскими учеными выявлено, что «распространение коронавирусной инфекции негативно повлияло на благосостояние населения: об ухудшении материального положения своей семьи за 2020 г. сообщила половина опрошенных» [6, с. 15–17].

Беспрецедентная ситуация с коронавирусом привела к избыточной смертности населения, ухудшению состояния здоровья, сведя на нет благопри-

[1] ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/; Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 24.05.2022).

[2] Там же.

ятную динамику показателя общего коэффициента смертности, наблюдающуюся в России и Республике Коми со второй половины 2000-х гг. Лучшие результаты в снижении смертности были достигнуты именно в период перед началом эпидемии коронавируса. Всплеск в условиях распространения новой коронавирусной инфекции уровня смертности был критическим: в России к 2021 г. по сравнению с доковидным 2019 г. произошел рост общего коэффициента смертности на 36,6 %; в Республике Коми – на 34,2 %. В Коми на 1 января 2021 г. «количество смертей от ковида составило 578 случаев, было зарегистрировано 30 606 случаев заболеваемости» [7, с. 187].

В России летальность от коронавирусной инфекции на 20 июня 2022 г. составила 2,07 %, а в Республике Коми – 2,54 % от общего числа заболевших. Ситуация со смертностью от новой коронавирусной инфекции в России обстоит проблематичнее, чем в других странах: например, в США коэффициент летальности составляет 1,19 %, в Швеции – 0,75, в Беларуси – 0,71 %[3]. Академик А. Г. Аганбегян отмечает, что «в целом суммарная смертность от коронавируса составила в 2020 г. примерно около 20 % от общего прироста смертности. В это же время в условиях пандемии произошел рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, поскольку она отвлекла на себя основные ресурсы здравоохранения – персонал, средства, коечный фонд и скорую помощь» [8, с. 10–11].

Академическая литература показала, что «такие разнообразные явления с высокой смертностью, как голод, землетрясения, волны жары и болезни, очень предсказуемо влияют на сокращение рождаемости в ближайшей перспективе» [9; 10]. Меры социального дистанцирования вредны для экономики и могут привести к потере доходов домохозяйств и, таким образом, снизить уровень рождаемости[4].

Цель статьи – на основе данных проведенного исследования определить, как менялась динамика рождаемости и репродуктивные установки населения северного региона России на примере Республики Коми с конца 2000-х гг. с учетом экономической ситуации, различий в перечне мер демографической политики, а после 2020 г. – изменений в эпидемиологической ситуации в мире, стране и ее регионах.

Обзор литературы. Классификации факторов, способных влиять на различия в уровне рождаемости у разных социально-экономических и демографических групп, представлены в трудах В. Н. Архангельского[5] [11],

[3] Статистика распространения коронавируса [Электронный ресурс]. URL: https://coronavirus-monitor.info/country/belarus/ (дата обращения: 24.05.2022).

[4] Stone L. Will the Coronavirus Spike Births? Institute for Family Studies, March 11, 2020. URL: https://ifstudies.org/blog/will-the-coronavirus-spike-births (дата обращения: 24.05.2022).

[5] Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. М. : ТЕИС, 2006. 399 с.

А. М. Илышева и А. П. Багировой [12], Л. Е. Дарского[6], Т. Л. Журавлевой и Я. А. Гавриловой [13], А. И. Кузьмина [14], Я. М. Рощиной, А. Г. Черкасовой[7] и др.

Новые условия – ухудшение эпидемиологической ситуации с начала 2020 г. в мире – диктуют необходимость проведения исследований репродуктивного поведения. Зарубежные ученые свидетельствуют о случаях потери работы среди женщин из-за локдауна в начале распространения коронавирусной инфекции в США, а также об их намерениях отложить деторождение[8] [15].

М. Керни и П. Левин в самом начале эпидемии полагали, что ситуация с COVID-19, скорее всего, приведет к длительному падению рождаемости. Пандемия ввергла США в экономический спад. Экономические показатели и данные прошлых лет свидетельствуют о том, что пандемия приведет к сокращению количества детей в семьях[9]. В последующей своей публикации авторы отмечают, что если «последствия пандемии в США действительно проявились только в марте 2020 г., то “пропущенные роды” в первом и втором квартале 2021 г. можно обоснованно отнести к последствиям пандемии. Таким образом, предполагаемое влияние COVID-19 на рождаемость в два раза больше, чем ожидалось – избыточное снижение произошло на 8,6 %»[10].

М. Керни и П. Левин заявляют, что только «1 % смертей от COVID-19, зарегистрированных до сих пор в США, приходится на лиц моложе 35 лет. Но нынешний кризис мы будем переживать в течение довольно долгого времени, в отличие от разовых, дискретных событий, которые характеризуются высокой смертностью»[11]. Осознание этого факта побуждает людей переосмысливать свои смысложизненные ориентации. Опрос, проведенный учеными Института Гутмахера, показывает, что 34 % американских женщин из-за пандемии COVID-19 либо отложили свое решение родить ребенка, либо сократили число планируемых детей [16]. Другое исследование подтверждает данную тенденцию и среди европейских женщин [15].

Дж. Уайлд с соавторами в 2020 г. прогнозировали «сокращение числа рождений примерно на 15 % в США» [17]. А. Ассве с коллективом авторов

---

[6] Дарский Л. Е. Проблемы изучения факторов рождаемости // Рождаемость (проблемы изучения) / под. ред. Л. Е. Дарского. М. : Статистика, 1976. С. 3–21.

[7] Рощина Я. М., Черкасова А. Г. Дифференциация факторов рождаемости для различных социально-экономических категорий женщин // SPERO. 2009. Весна-лето. С. 159–180.

[8] Kearney M. S.,Levine P. L. Half a Million Fewer Children? The Coming COVID Baby Bust [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/research/half-a-million-fewer-children-the-coming-covid-baby-bust/ (дата обращения: 24.05.2022).

[9] Там же.

[10] Kearney M. S., Levine P. L. The Coming COVID Baby Bust is here [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/blog/up-front/2021/05/05/the-coming-covid-19-baby-bust-is-here/ (дата обращения: 24.05.2022).

[11] Kearney M. S., Levine P. L. Half a Million Fewer Children?..

считают, что локдауны и закрытие школ могут повлиять на снижение желаемой рождаемости и отсрочку деторождения в краткосрочной перспективе, поскольку «физическое дистанцирование вызвало увеличение родительской нагрузки внутри дома» [18, с. 370].

Влияние пандемии коронавируса COVID-19 на демографические процессы в России, в том числе на рождаемость и репродуктивное поведение, изучали В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова [19], И. А. Кулькова [20], Н. А. Муравьева, К. И. Плесовская[12], А. В. Носкова [21], Я. Н. Павлов [22], Е. А. Рудакова [23], С. В. Рязанцев, А. В. Смирнов [24], А. Б. Синельников[13] и др.

Исследованию стандартов в области детности, оценке влияния мер демографической политики на репродуктивные планы и рождаемость населения Республики Коми с применением метода реальных поколений, выявлению отношения молодежи к семейным ценностям посвящена публикация Л. А. Поповой [25]. О. Н. Калачикова и А. В. Короленко на основе своих социологических исследований приходят к выводу о том, что «недореализация репродуктивных намерений (желаемое число детей больше ожидаемого) обусловлена материально-экономическим положением семьи, неопределенностью (рискогенностью) будущего, внутрисемейных отношений» [26, с. 172]. Рост рискогенности в российском обществе – это как раз то, что мы видим в 2020–2022 гг.

В настоящее время назрела необходимость оценки репродуктивных установок населения в новых условиях, которые характеризуются ухудшением эпидемиологической и экономической ситуации.

Материалы и методы. Исследование базируется на общенаучных методах описательного анализа, синтеза, сравнения. Оценка тенденций рождаемости была произведена с помощью анализа демографических статистических показателей, рассчитываемых для условного поколения. Для оценки динамики рождаемости использованы следующие показатели: общий коэффициент рождаемости (ОКР); суммарный коэффициент рождаемости (СКР); естественный прирост (убыль) на 1 000 чел. населения.

В научной работе использованы результаты социологических исследований репродуктивных установок населения фертильных возрастов, проведенных сотрудниками Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН. В 2008 г.

[12] Муравьева Н. А., Плесовская К. И. Демографический и пандемический кризисы, их взаимосвязь и последствия в России и за рубежом // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ : сб. научных трудов. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2021. С. 382–385.

[13] Синельников А. Б. Возможные демографические последствия пандемии коронавируса в долгосрочной и краткосрочной перспективе // Человек и его социальная жизнь в ожидании конца пандемии: к 30-летию факультета социологии РГСУ : материалы XXVI Социологических чтений. М., 2021. С. 71–74.

было осуществлено исследование репродуктивных установок женского населения Республики Коми в 14 муниципальных образованиях, в результате было опрошено 994 женщины в возрасте 15–49 лет. Второе исследование было проведено в 2013 г. по ступенчатой квотированной выборке и охватило все 20 муниципальных образований республики. В опросе приняли участие 795 чел. (74 % женщин и 26 % мужчин) в возрасте 15–49 лет. Из них в возрасте 15–19 лет находились 9,3 % опрошенных, 20–24 лет – 25,2, 25–29 лет – 18,7, 30–34 лет – 15,7, 35–39 лет – 13,2, 40–44 лет – 9,6, 45–49 лет – 8,3 %. Подробнее выборка описана в работе Л. А. Поповой и Е. Н. Зориной[14].

Третье исследование «Здоровье и качество жизни населения» было проведено в декабре 2020 г. в Республике Коми посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований республики. В его рамках ряд вопросов также был посвящен определению стандартов детности у населения. Исследование охватило 1 238 чел. в возрасте 15–49 лет [27, с. 266], из них 21 % – мужчины, а 79 % – женщины. В возрасте 15–19 лет находились 21,1 % респондентов, 20–24 лет – 11,2, 25–29 лет – 8,9, 30–34 лет – 11,3, 35–39 лет – 19,9, 40–44 лет – 16,0, 45–49 лет – 11,7 %.

Во всех трех обследованиях были опрошены представители как городского, так и сельского населения, их соотношение в выборке совпадает с распределением городских и сельских жителей в генеральной совокупности. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

Полное совпадение в выборочных совокупностях между исследованиями не достигнуто, однако с использованием их результатов можно узнать, какие в целом были тенденции в репродуктивных установках в разные периоды в Республике Коми и как эти тенденции соотносятся с меняющимися экономическими обстоятельствами и перечнем мер семейной демографической политики, которыми располагало население на момент опроса.

Результаты исследования. *Актуальные демографические тенденции, сформировавшиеся в последние годы в России и Республике Коми*. В России и в Республике Коми благоприятная динамика показателей рождаемости началась в 2007–2008 гг. после активизации в стране семейной демографической политики. Наилучшим образом показатели рождаемости (общий коэффициент и суммарный коэффициент рождаемости) выглядели в России в период 2012–2016 гг., в Республике Коми – в период 2011–2016 гг. (табл. 1).

[14] Попова Л. А., Зорина Е. Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. Сыктывкар : Коми республик. тип. (Коми научный центр УрО РАН), 2014. 122 с.

Таблица 1. **Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России и в Республике Коми, 2005–2021 гг., ‰**[15]

Table 1. **Birth rate, mortality and natural population growth in Russia and in the Komi Republic, 2005–2021, ‰**

Год / Year	Российская Федерация / Russian Federation			Республика Коми / Komi Republic		
	Родившихся / Born	Умерших / Dead	Прирост, снижение / Growth, decline	Родившихся / Born	Умерших / Dead	Прирост, снижение / Growth, decline
2005	10,2	16,1	10,2	11,1	15,2	-4,1
2006	10,4	15,2	10,4	11,0	13,8	-2,7
2007	11,3	14,7	11,3	11,8	12,6	-0,8
2008	12,1	14,7	12,1	12,1	12,7	-0,5
2009	12,4	14,2	12,4	12,4	12,7	-0,3
2010	12,6	14,3	-1,7	12,3	12,5	-0,2
2011	12,6	13,5	-0,9	13,0	12,3	0,7
2012	13,3	13,3	0,0	13,9	12,1	1,8
2013	13,2	13,1	0,2	14,2	11,9	2,3
2014	13,3	13,1	0,2	14,1	12,2	1,9
2015	13,3	13,1	0,2	13,6	12,3	1,3
2016	12,9	12,9	0,0	13,1	12,3	0,8
2017	11,5	12,4	-0,9	11,5	11,8	-0,3
2018	10,9	12,5	-1,6	10,2	11,9	-1,7
2019	10,1	12,3	-2,2	9,6	12,0	-2,4
2020	9,8	14,6	-4,8	9,3	13,4	-4,1
2021	9,6	16,8	-7,2	8,9	16,1	-7,2

Естественный прирост в России продлился недолго: с 2013 по 2016 г., а в Республике Коми – с 2011 по 2016 г. С 2017 г. в России и Республике Коми вновь наблюдается депопуляция. Благодаря использованию метода стандартизации удалось выяснить, что с 2017 г. спад рождаемости связан не только с ухудшением возрастной структуры, но также с падением самой, так называемой реальной, рождаемости.

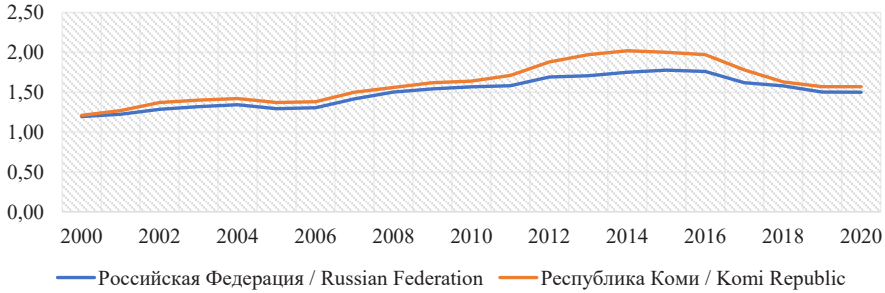
По стране общий коэффициент рождаемости (ОКР) сократился до 9,6 ‰ в 2021 г. Самое тревожное в плане рождаемости для Республики Коми, что в 2021 г. величина ОКР в ней сократилась до 8,9 ‰, и такого низкого значения за

[15] Источники данных: Регионы России. Социально-экономические показатели [Электронный ресурс] / Стат. сб. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 24.05.2022).

историю республики не наблюдалось (табл. 1). По сравнению с благоприятным в демографическом плане 2013 г. сокращение общего коэффициента рождаемости к 2021 г. составило в среднем по России 27 %, а в Республике Коми – 37 %.

Сформировавшаяся естественная убыль населения является очень глубокой. В целом по стране в 2020 г. по сравнению с 2019 г. она увеличилась в 2,17 раза. В 2021 г. в России естественная убыль достигла 1 042 675 чел., увеличившись по сравнению с 2019 г. в 3,3 раза (тогда она составила 317 233 чел.)[16]. В Республике Коми естественная убыль в 2021 г. тоже пришла к критически высокому показателю – за 2021 г. число умерших превысило число родившихся на 5 810 чел., тогда как в 2019 г. естественная убыль составила 1 973 чел., т. е. разница составила 2,94 раза.

В России и Республике Коми суммарный коэффициент рождаемости (СКР) с 2017 г. сокращается, в России в 2020 г. он составил 1,50 рождений в среднем на одну женщину за репродуктивный период, в 2021 г. – 1,50, во время улучшения демографической ситуации в стране был достигнут его максимум – 1,78 в 2015 г. В Республике Коми в 2019 и 2020 гг. СКР составил 1,57, а в 2021 г. – 1,53, его самые высокие значения в рассмотренный период были зафиксированы в 2014–2015 гг. (рисунок). Негативная динамика показателей демографического развития теперь усложняет достижение основных задач «Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г.»[17], таких как сокращение уровня смертности не менее чем в 1,6 раза, увеличение суммарного коэффициента рождаемости в 1,5 раза.



Р и с у н о к. Суммарный коэффициент рождаемости в России и Республике Коми, 2000–2020 гг.[18]

F i g u r e. Total fertility rate in Russia and the Komi Republic, 2000–2020

[16] Регионы России…; Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации.

[17] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 9 окт. 2007 г. № 1351. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/26299 (дата обращения: 24.05.2022).

[18] Источник: ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/ (дата обращения: 24.05.2022).

Динамика репродуктивных установок в 2008, 2013 и 2020 гг. в Республике Коми. По итогам социологического исследования 2008 г. среднее по всем возрастам ожидаемое число детей по массиву опрошенных было ниже нормы, приемлемой для замещения поколений (1,98). Самые высокие репродуктивные ожидания были у женщин 1964–1968 годов рождения (2,10), которым на момент опроса было 40–44 года, и у женщин 1959–1963 годов рождения (2,10), которым на момент опроса было 45–49 лет (табл. 2).

Таблица 2. **Уровень репродуктивных установок у женщин разных поколений по данным исследования 2008 г.,** количество детей

Table 2. **The reproductive attitudes of women of different generations by the data of research in 2008,** children

Возраст / Age	Репродуктивные установки / Reproductive attitudes		
	Идеальное число детей / Ideal number of children	Желаемое число детей (при всех необходимых условиях) / Desired number of children (with all necessary conditions)	Ожидаемое число детей / Expected number of children
Все возрасты / All ages	2,35	2,48	1,98
15–19 лет (1989–1993 г. р.) / 15–19 years (1989–1993 years of birth)	2,25	2,36	1,92
20–24 года (1984–1988 г. р.) / 20–24 years (1984–1988 years of birth)	2,44	2,65	2,07
25–29 лет (1979–1983 г. р.) / 25–29 years (1979–1983 years of birth)	2,21	2,40	1,92
30–34 года (1974–1978 г. р.) / 30–34 years (1974–1978 years of birth)	2,36	2,44	1,92
35–39 лет (1969–1973 г. р.) / 35–39 years (1969–1973 years of birth)	2,41	2,49	2,01
40–44 года (1964–1968 г. р.) / 40–44 years (1964–1968 years of birth)	2,51	2,65	2,10
45–49 лет (1959–1963 г. р.) / 45–49 years (1959–1963 years of birth)	2,33	2,50	2,10

Среднее желаемое при благоприятных условиях число детей у всех возрастных когорт было выше нормы, приемлемой для замещения поколений, следовательно, условия жизни продолжают оставаться для на-

селения фактором, препятствующим реализации репродуктивных планов в полном объеме. Результаты исследований 2013 и 2020 гг. также приводят к таким выводам.

Фактором, в условиях действия которого формировались и реализовывались репродуктивные планы населения в этот период, стало начало действия нового комплекса мер демографической политики в стране с 2006–2007 гг.: повышение материнских пособий (пособий по беременности и родам, по уходу за ребенком до полутора лет), установление компенсационных выплат родителям, чьи дети посещают детский сад и пр. Важнейшей инновационной мерой для повышения рождаемости стала выплата с 2007 г. материнского (семейного) капитала при рождении (усыновлении) второго (последующего) ребенка. Вместе с тем в 2007–2008 гг. наблюдался финансовый кризис в стране, что отразилось на показателях уровня жизни населения.

В 2013 г. репродуктивные установки населения Республики Коми увеличились, причем это касается всех трех видов репродуктивных установок (табл. 3). В целом нужно отметить, что 2013 г. характеризовался довольно благоприятной экономической ситуацией, многие показатели уровня жизни (приведенные с помощью коэффициента инфляции к сопоставимым ценам) – среднедушевые денежные доходы населения, потребительские расходы в месяц на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, коэффициент покупательной способности доходов – выглядели лучше в России и Республике Коми до валютного кризиса 2014 г. и введения первого пакета экономических зарубежных санкций.

Также в начале 2010-х гг. федеральные меры демографической политики были усилены новым комплексом мер: с 2011 г. введен региональный семейный (материнский) капитал на третьего (последующего) ребенка; у многодетных семей появилось право на бесплатное приобретение земельных участков; с начала 2013 г. была установлена программа поддержки нуждающимся семьям после рождения третьего и последующего ребенка и др.

В 2013 г. даже среднее ожидаемое число детей, рассчитанное для всех возрастов, приблизилось к норме, приемлемой для замещения поколений. Общий благоприятный контекст позволил выявить высокие репродуктивные ожидания даже в молодой когорте 1994–1998 годов рождения (2,22), представителям которой на момент опроса было 15–19 лет и у когорты 1984–1988 годов рождения (2,17), представителям которой было 25–29 лет. У когорты 1979–1983 годов рождения (30–34 года на момент опроса) репродуктивные ожидания тоже были относительно высокими – 2,14. Выше, чем в среднем по массиву, репродуктивные ожидания были и у самой старшей возрастной когорты 1964–1968 годов рождения (2,18) (табл. 3).

Таблица 3. **Уровень репродуктивных установок у населения разных поколений по данным исследования 2013 г.,** количество детей

Table 3. **The level of the reproductive attitudes of population of different generations by the data of research in 2013,** children

Возраст / Age	Репродуктивные установки / Reproductive attitudes		
	Идеальное число детей / Ideal number of children	Желаемое число детей / Desired number of children	Ожидаемое число детей / Expected number of children
Все возрасты / All ages	2,50	2,67	2,13
15–19 лет (1994–1998 г. р.) / 15–19 years (1994–1998 years of birth)	2,53	2,53	2,22
20–24 года (1989–1993 г. р.) / 20–24 years (1989–1993 years of birth)	2,41	2,59	2,07
25–29 лет (1984–1988 г. р.) / 25–29 years (1984–1988 years of birth)	2,41	2,64	2,17
30–34 года (1979–1983 г. р.) / 30–34 years (1979–1983 years of birth)	2,47	2,61	2,14
35–39 лет (1974–1978 г. р.) / 35–39 years (1974–1978 years of birth)	2,57	2,78	2,11
40–44 года (1969–1973 г. р.) / 40–44 years (1969–1973 years of birth)	2,66	2,89	2,08
45–49 лет (1964–1968 г. р.) / 45–49 years (1964–1968 years of birth)	2,66	2,83	2,18

После начала депопуляционных процессов в России в 2016 г. последовало принятие ряда новых мер по улучшению демографической ситуации. С 1 января 2018 г. была установлена ежемесячная выплата при рождении первого и второго ребенка до полутора лет; также с 2018 г. действует льготная ипотека от банков для семей с детьми (до 6,0 % годовых); с 1 июля 2019 г. было повышено пособие по уходу за детьми с инвалидностью; были увеличены федеральные льготы по налогу на недвижимое имущество для многодетных семей; с 1 января 2019 г. было введено погашение ипотеки в размере 450 тыс. руб. для многодетных семей; с 1 января 2020 г. установлена ежемесячная денежная выплата семьям с детьми от 3 до 7 лет, имеющим низкие доходы. Введено бесплатное горячее питание для всех учащихся начальной школы с первого по четвертый класс с финансированием из федерального,

регионального и местного бюджетов. В 2020 г. были снова увеличены пособия по уходу за детьми до 1,5 лет. В 2020 г. материнский капитал распространили на первенцев – выплата составляла на момент введения 466 617 руб.[19], с этого же года региональный материнский (семейный) капитал получают также семьи сразу после рождения первенца, он составляет в Республике Коми 150 тыс. руб.[20].

Тем не менее, несмотря на вновь вводимые мероприятия демографической политики, исследование 2020 г. позволило зафиксировать сокращение у населения Республики Коми всех трех видов репродуктивных установок (табл. 4).

Таблица 4. **Уровень репродуктивных установок у населения разных поколений по данным исследования 2020 г.,** количество детей

Table 4. **The level of the reproductive attitudes of population of different generations by the data of research in 2020,** children

Возраст / Age	Репродуктивные установки / Reproductive attitudes		
	Идеальное число детей / Ideal number of children	Желаемое число детей / Desired number of children	Ожидаемое число детей / Expected number of children
1	2	3	4
Все возрасты / All ages	2,29	2,37	1,96
15–19 лет (2001–2005 г. р.) / 15–19 years (2001–2005 years of birth)	1,88	2,13	1,68
20–24 года (1996–2000 г. р.) / 20–24 years (1996–2000 years of birth)	2,32	2,34	1,90
25–29 лет (1991–1995 г. р.) / 25–29 years (1991–1995 years of birth)	2,33	2,38	2,07
30–34 года (1986–1990 г. р.) / 30–34 years (1986–1990 years of birth)	2,40	2,54	2,00
35–39 лет (1981–1985 г. р.) / 35–39 years (1981–1985 years of birth)	2,44	2,64	2,14

[19] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам, связанным с распоряжением средствами материнского (семейного) капитала [Электронный ресурс] : Фед. закон от 1 марта 2020 г. № 35-ФЗ. URL: https://rg.ru/2020/03/03/matkapital-dok.html (дата обращения: 24.05.2022).

[20] О внесении изменений в Закон Республики Коми «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми [Электронный ресурс] : Закон Республики Коми от 18 июня 2020 г. № 38-РЗ. URL: https://docs.cntd.ru/document/570819421?marker (дата обращения: 24.05.2022).

Окончание табл. 4 / End of table 4

1	2	4	6
40–44 года (1976–1980 г. р.) / 40–44 years (1976–1980 years of birth)	2,31	2,53	2,01
45–49 лет (1971–1975 г. р.) / 45–49 years (1971–1975 years of birth)	2,55	2,75	2,03

Третье исследование было проведено в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 и ухудшения в стране общего экономического контекста. В 2020 г. при приведении к сопоставимым ценам в Республике Коми фиксируется сокращение объема валового регионального продукта, среднедушевых денежных доходов населения, потребительских расходов в месяц на душу населения, оборота розничной торговли за год на душу населения, а также рост уровня безработицы.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию[21] был обозначен ввод еще ряда мер для поддержки семей с детьми в экономически сложное время, в том числе отягощаемое негативным влиянием пандемии коронавируса COVID-19. Так, была установлена единовременная выплата 10 000 руб. к школе всем семьям, где есть школьники или будущие первоклассники[22]; установлена ежемесячная выплата на ребенка от 8 до 16 лет в неполной семье; выплата ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности при условии соответствия критериям нуждаемости[23]. В основном все нововведения были адресованы уязвимым категориям семей с детьми (малоимущим и неполным семьям, малоимущим беременным женщинам).

Несмотря на достаточно внушительный комплекс мер демографической политики, мы видим, что в целом по массиву опрошенных репродуктивные ожидания в 2020 г. по сравнению с 2013 г. сократились на 8,0 %. Среднее желаемое число детей в 2020 г. сократилось на 11,2 % по сравнению с 2013 г. Ожидаемое число детей с учетом реальных условий в среднем по массиву опрошенных снова ниже нормы, приемлемой для замещения поколений (1,96, а необходи-

[21] Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/65418 (дата обращения: 24.05.2022).

[22] О единовременной выплате семьям, имеющим детей [Электронный ресурс] : Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 396. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47024 (дата обращения: 24.05.2022).

[23] Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в части, не определенной Федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», а также перечня документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения указанных пособий, и форм заявлений об их назначении [Электронный ресурс] : Постановление Правительства Рос. Федерации от 28 июня 2021 г. № 1037. URL: http://base.garant.ru/401416416/ (дата обращения: 24.05.2022).

мо 2,1–2,2), при этом самых низких значений данный показатель достигает у двух самых молодых и при этом очень малочисленных возрастных когорт 1996–2000 годов рождения (1,90) и 2001–2005 годов рождения (1,68), что делает необнадеживающими дальнейшие перспективы рождаемости.

Необходимо также учитывать, что самоценна сама динамика репродуктивных установок, а их размер, как правило, не бывает достигнут в реальности. Так, если в 2008 г. репродуктивные ожидания 45–49-летних женщин находились на уровне 2,10, то, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., среднее число рожденных детей на одну женщину в данном возрасте достигло 1,81, иными славами степень реализации репродуктивных планов была приблизительно равна 86 %.

Обсуждение и заключение. Исследование позволило выявить продолжение сокращения рождаемости, начавшееся во второй половине 2010-х гг., уже в условиях пандемии COVID-19. За последние тридцать лет в плане демографического развития Россия выглядела наилучшим образом в 2013–2016 гг., а Республика Коми – в 2011–2016 гг.; в эти периоды даже отмечался естественный прирост населения. Со второй половины 2010-х гг. ситуация с рождаемостью начала ухудшаться, а в условиях пандемии общий коэффициент рождаемости сократился в России и Республике Коми до критически низких значений. С 2017 г. в России и Республике Коми фиксируется естественная убыль населения, которая стала более глубокой в условиях пандемии COVID-19.

Наблюдается влияние фактора неблагоприятной возрастной структуры на снижение рождаемости: особенно заметно с 2010-х гг. сокращается численность женщин детородных возрастов в общей структуре населения, а также доля женщин молодых репродуктивных когорт (15–19 и 20–24 лет) в общей численности женского репродуктивного контингента. За последнее десятилетие это негативное воздействие усугубилось.

Проведенное исследование позволило выявить размер репродуктивных установок у реальных поколений в периоды с разными социально-экономическими условиями и комплексом мер семейной демографической политики. У всех когорт репродуктивные установки наилучшим образом выглядели в 2013 г. – это время, когда показатели уровня жизни были относительно благоприятными, федеральные меры демографической политики усиливались региональными мерами. Далее мы видим, что в 2020 г. все три вида репродуктивных установок сократились. Очень настораживающим фактом для перспектив рождаемости является низкая величина репродуктивных установок молодых малочисленных поколений.

С некоторой долей оптимизма можно полагать, что все-таки создавшиеся условия ухудшения эпидемиологической и экономической ситуации оказали лишь временное воздействие на сокращение репродуктивных установок. При появлении более благоприятных экономических условий, усилении и обновлении мер демографической политики реальные поколения, возможно, снова

пересмотрят свои репродуктивные ориентации и дореализуют отложенные в тяжелые для страны времена рождения. В обратном случае, следует ожидать фиксацию на прежнем уровне или дальнейшее сокращение репродуктивных установок и увеличение рассогласованности между желаемым и ожидаемым числом детей. В последующих исследованиях мы планируем уделить внимание изучению динамики суммарных и кумулятивных коэффициентов рождаемости среди реальных поколений, для того чтобы определить, как изменения в репродуктивных установках отразились на их итоговой рождаемости.

Практическая значимость представленной статьи заключается в том, что она может быть полезна ученым в сфере социологии семьи и демографии, а также субъектам законодательной и исполнительной власти, поскольку в ней подчеркивается факт о том, что социальная, экономическая и эпидемиологическая напряженность в обществе негативно сказывается на процессах воспроизводства населения, в частности на рождаемости. Кризисный характер дальнейших перспектив демографического развития усугубляется в новейших условиях неблагоприятным воздействием фактора возрастной структуры на рождаемость.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Clark A. E., Knabe A., Ratzel S. Boon or Bane? Others' Unemployment, Well-Being and Job Insecurity // Labour Economics. 2010. Vol. 17, issue 1. Pp. 52–61. doi: https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.05.007

2. Kreyenfeld M. Uncertainties in Female Employment Careers and the Postponement of Parenthood in Germany // European Sociological Review. 2010. Vol. 26, issue 3. Pp. 351–366. doi: https://doi.org/10.1093/esr/jcp026

3. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe // Demographic Research. 2012. Vol. 27. Pp. 835–852. doi: https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.28

4. Page M., Schaller J., Simon D. The Effects of Aggregate and Gender-Specific Labor Demand Shocks on Child Health // The Journal of Human Recourses. 2019. Vol. 54, no. 1. Pp. 37–78. doi: https://doi.org/10.3368/jhr.54.1.0716.8045R

5. Kreyenfeld M., Andersson G. Socioeconomic Differences in the Unemployment and Fertility Nexus: Evidence from Denmark and Germany // Advances in Life Course Research. 2014. Vol. 21. Pp. 59–73. doi: https://doi.org/10.1016/j.alcr.2014.01.007

6. Гришина Е. Е. Эпидемиологический кризис 2020 г.: материальное положение населения и меры поддержки // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 1. С. 15–23. doi: https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2

7. Чапаргина А. Н. Распространение COVID-19 и половозрастная структура населения арктических регионов: есть ли связь? // Фундаментальные исследования. 2021. № 11. С. 185–189. doi: https://doi.org/10.17513/fr.43143

8. Аганбегян А. Г. Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 2. С. 4–18. doi: https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1

9. Herteliu C., Richmond P., Roehner B. M. Coupling between Death Spikes and Birth Troughs. Part 1: Evidence // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. Vol. 506. Pp. 97–111. doi: https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.04.044

10. Herteliu C., Richmond P., Roehner B. M. Deciphering the Fluctuations of High Frequency Birth Rates // Physica A: Statistical Mechanics and its Applications. 2018. Vol. 509. Pp. 1046–1061. doi: https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057

11. Факторы рождения второго ребенка в современной России (анализ социологического исследования) / Т. К. Ростовская [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 430–436. doi: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436

12. Ильышев А. М., Багирова А. П. Факторы репродуктивной активности населения: анализ региональной дифференциации // Регион: экономика и социология. 2009. № 1. С. 92–110. URL: http://recis.ru/region/magazine/33/1630 (дата обращения: 24.05.2022).

13. Журавлева Т. Л., Гаврилова Я. А. Анализ факторов рождаемости в России: что говорят данные РМЭЗ НИУ ВШЭ? // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21, № 1. С. 145–187. URL: https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html (дата обращения: 24.05.2022).

14. Кузьмин А. И. Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Сер.: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2013. № 4 (51). С. 62–69. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20279477 (дата обращения: 24.05.2022).

15. Luppi F., Arpino B., Rosina A. The Impact of COVID-19 on Fertility Plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom // Demographic Research. 2020. Vol. 43. Pp. 1399–1412. doi: https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47

16. Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences / L. Lindberg [et al.]. New York : Guttmacher Institute, 2020. URL: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (дата обращения: 24.05.2022).

17. Wilde J., Chen W., Lohmann S. COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion Paper Series // IZA: Institute of Labor Economics. 2020. No. 13776. doi: https://doi.org/10.31235/osf.io/2bgqs

18. The COVID-19 Pandemic and Human Fertility / A. Aassve [et al.] // Science. 2020. Vol. 369, issue 6502. Pp. 370–371. doi: https://doi.org/10.1126/science.abc9520

19. Архангельский В. Н., Калачикова О. Н. Женщины и мужчины: различия в показателях рождаемости и репродуктивного поведения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 165–185. doi: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10

20. Кулькова И. А. Влияние пандемии коронавируса на демографические процессы в России // Human Progress. 2020. Т. 6, вып. 1. doi: https://doi.org/10.34709/IM.161.5

21. Носкова А. В. Демографические аспекты пандемии COVID-19 и ее последствия // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 151–153. doi: https://doi.org/10.31857/S013216250013740-7

22. Павлов Я. Н. Проблемы демографии на общегосударственном уровне // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Медицинские науки. 2021. № 4 (25). С. 62–66. doi: https://doi.org/10.25587/SVFU.2021.25.4.009

23. Рудакова Е. К. Многофакторный анализ внутренних демографических угроз России // Власть. 2020. Т. 28, № 6. С. 30–38. doi: https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7708

24. Рязанцев С. В., Смирнов А. В. Предпосылки возникновения и социально-демографические последствия пандемий // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29, № 3. С. 389–397. doi: https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397

25. Попова Л. А., Шишкина М. А. Брачно-семейные и репродуктивные установки современной молодежи // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (85). С. 57–71. URL: http://pdt.vscc.ac.ru/article/1992 (дата обращения: 24.05.2022).

26. Короленко А. В., Калачикова О. Н. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 172–189. doi: https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11

27. Попова Л. А., Милаева Т. В., Зорина Е. Н. Самосохранительное поведение населения: поколенческий аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 261–276. doi: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.15

Поступила 31.05.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

Об авторе:

Зырянова Мария Александровна, младший научный сотрудник Института социально-экономических и энергетических проблем Севера Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук» (167982, Российская Федерация, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3567-3470, Researcher ID: C-6046-2018, zyryanova.1809@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Clark A.E., Knabe A., Ratzel S. Boon or Bane? Others' Unemployment, Well-Being and Job Insecurity. *Labour Economics*. 2010;17(1):52–61. doi: https://doi.org/10.1016/j.labeco.2009.05.007

2. Kreyenfeld M. Uncertainties in Female Employment Careers and the Postponement of Parenthood in Germany. *European Sociological Review.* 2010;26(3):351–366. doi: https://doi.org/10.1093/esr/jcp026

3. Kreyenfeld M., Andersson G., Pailhe A. Economic Uncertainty and Family Dynamics in Europe. *Demographic Research*. 2012;27:835–852. doi: https://doi.org/10.4054/DemRes.2012.27.28

4. Page M., Schaller J., Simon D. The Effects of Aggregate and Gender-Specific Labor Demand Shocks on Child Health. *The Journal of Human Recourses.* 2019;54(1):37–78. doi: https://doi.org/10.3368/jhr.54.1.0716.8045R

5. Kreyenfeld M., Andersson G. Socioeconomic Differences in the Unemployment and Fertility Nexus: Evidence from Denmark and Germany. *Advances in Life Course Research.* 2014;21:59–73. doi: https://doi.org/10.1016/j.alcr.2014.01.007

6. Grishina E.E. Epidemiological Crisis of 2020: Financial Situation of the Population and Social Support. *Population.* 2021;24(1):15–23. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.2

7. Chapargina A.N. COVID-19 Distribution and Structure of the Population by Age and Gender of the Arctic Regions: Is there Any Connection? *Fundamental Research*. 2021;(11):185–189. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.17513/fr.43143

8. Aganbegyan A.G. How to Restore the Safety of the People of Russia. *Population*. 2021;24(2):4–18. doi: https://doi.org/10.19181/population.2021.24.2.1

9. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. Coupling between Death Spikes and Birth Troughs. Part 1: Evidence. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. 2018;506:97–111. doi: https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.04.044

10. Herteliu C., Richmond P., Roehner B.M. Deciphering the Fluctuations of High Frequency Birth Rates. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications.* 2018;509:1046–1061. doi: https://doi.org/10.1016/j.physa.2018.06.057

11. Rostovskaya T.K., Arkhangelskiy V.N., Kuchmaeva O.V., Sudin S.A. The Factors of Birth of Second Child in Contemporary Russia: The Analysis of Sociological Survey Results. *Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine*. 2021;29(3):430–436. (In Russ., abstract in Eng.) doi: http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-430-436

12. Ilyshev A.M., Bagirova A.P. Factors of Reproductive Activity of Population: Analysis of Regional Differentiation. *Region: Economics and Sociology*. 2009;(1):92–110. Available at: http://recis.ru/region/magazine/33/1630 (accessed 24.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

13. Zhuravleva T.L., Gavrilova Ya.A. Analysis of Fertility Determinants in Russia: What do RLMS Data Say? *HSE Economic Journal*. 2017;21(1):145–187. Available at: https://ej.hse.ru/2017-21-1/204563899.html (accessed 24.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

14. Kuzmin A.I. Socio-Economic Factors of Fertility in Light of the Concept of Demographic Transition. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, sotsiologiya, kul'turologiya, sotsial'naya rabota*. 2013;(4):62–69. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20279477 (accessed 24.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

15. Luppi F., Arpino B., Rosina A. The Impact of COVID-19 on Fertility Plans in Italy, Germany, France, Spain, and the United Kingdom. *Demographic Research*. 2020;43:1399–1412. doi: https://doi.org/10.4054/DemRes.2020.43.47

16. Lindberg L., VandeVusse A., Mueller J., Kirstein M. Early Impacts of the COVID-19 Pandemic: Findings from the 2020 Guttmacher Survey of Reproductive Health Experiences. New York: Guttmacher Institute; 2020. Available at: https://www.guttmacher.org/sites/default/files/report_pdf/early-impacts-covid-19-pandemic-findings-2020-guttmacher-survey-reproductive-health.pdf (accessed 24.05.2022).

17. Wilde J., Chen W., Lohmann S. COVID-19 and the Future of US Fertility: What Can We Learn from Google? Discussion paper series. IZA: Institute of Labor Economics. 2020. No. 13776. doi: https://doi.org/10.31235/osf.io/2bgqs

18. Aassve A., Cavalli N., Mencarini L., Plach S., Livi Bacci M. The COVID-19 Pandemic and Human Fertility. *Science.* 2020;369(6502):370–371. doi: https://doi.org/10.1126/science.abc9520

19. Arkhangel'skii V.N., Kalachikova O.N. Women and Men: Differences in Fertility and Reproductive Behavior Indicators. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(5):165–185. doi: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.10

20. Kulkova I.A. The Coronavirus Pandemic Influence on Demographic Processes in Russia. *Human Progress.* 2020;6(1). (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.34709/IM.161.5

21. Noskova A.V. Demographic Aspects of the COVID-19 Pandemic and Its Consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2021;(4):151–153. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.31857/S013216250013740-7

22. Pavlov Y.N. Demographic Problems at the National Level. *Vestnik of North-Eastern Federal University. Medical Sciences*. 2021;(4):62–66. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.25587/SVFU.2021.25.4.009

23. Rudakova E.K. Multi-Factor Analysis of Internal Demographic Threats for Russia. *Vlast' (The Authority)*. 2020;28(6):30–38. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.31171/vlast.v28i6.7708

24. Ryazantsev S.V., Smirnov A.V. The Preconditions of Occurrence and Social Demographic Consequences of Pandemics. *Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine.* 2021;29(3):389–397. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-389-397

25. Popova L.A., Shishkina M.A. Marriage and Family and Reproductive Attitudes of Today's Young People. *Problems of Territory's Development*. 2016;(5):57–71. Available at: http://pdt.vscc.ac.ru/article/1992 (accessed 24.05.2022). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families: Driving Forces and Implementation Conditions (on the Basis of In-Depth Interviews). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2022;15(2):172–189. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.11

27. Popova L.A., Milaeva T.V., Zorina E.N. Self-Preservation Behavior: Generational Aspect. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2021;14(5):261–276. (In Russ., abstract in Eng.) doi: https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.15

Submitted 31.05.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

About the author:

Maria A. Zyryanova, Junior Researcher, the Institute for Social Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Centre "Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences" (26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar 167982, Russian Federation), ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3567-3470, Researcher ID: C-6046-2018, zyryanova.1809@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.